

УДК [930.85:069]:[(470+571)+(510)]

**ФОРМИРОВАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ И ЧАСТНЫХ
КОЛЛЕКЦИЙ ПРЕДМЕТОВ КИТАЙСКОГО ПРИКЛАДНОГО
ИСКУССТВА В РОССИИ (XVIII – XIX вв.)**

Ю.Г. Благодер

Аннотация

На основе изученных архивных документов и музейных фондов выделены пути формирования в России первых коллекций предметов китайского искусства. Дана краткая характеристика наиболее ранних экспонатов частных и академических собраний, среди которых выделяются изделия из шелка, резной слоновой кости, бронзы и латуни с узором в технике «перегородчатой эмали», предметов бытового обихода, покрытых лаком, и других дорогих экзотических раритетов, секрет изготовления которых в XVIII – XIX вв. был неизвестен Западу. Особое место отведено произведениям ювелирного искусства, фарфору, а также собраниям вееров и прочих изысканных аксессуаров и модных украшений, ставших с течением времени в сознании российской общественности своеобразным символом китайской культуры.

Ключевые слова: ориентализм в искусстве, коллекции предметов китайского искусства, лаковые изделия, фарфор, перегородчатая эмаль, шелковые ткани, веер, Кунсткамера, Эрмитаж.

В XVIII в. Россия возобновляет попытки расширить политические, экономические, культурные связи с Китаем. В 20-е годы этого столетия китайскую столицу посетили посольства Л.В. Измайлова и С.Л. Владиславича-Рагузинского. Документальные свидетельства путешественников и дипломатов этого времени наполнены увлекательными повествованиями, дающими российскому обществу широкое представление об этой восточной стране.

Нельзя не отметить, что в тот период литературные источники были доступны лишь узкому кругу читающей публики, поэтому образ Среднего государства в сознании жителей Российской империи, в большей степени, складывался благодаря появлению предметов китайского ювелирного и декоративно-прикладного искусства. О том, какие вещи и в каком количестве были привезены в XVII – XVIII вв., мы можем узнать по документальным материалам (описям купленных товаров, росписям (реестрам) подарков, письмам, докладным запискам). К примеру, из «Выписки», составленной в Приказе Большой казны, о товарах, привезенных из Цинской империи, мы узнаем, что в 1666 г. от купца И. Перфильева по возвращении его в Москву было принято, кроме «китайского царя даров» и купленных различных товаров, более пуда серебра и «352 камня яхонтов да лаков и винисок» [1, с. 250], а в 1671 г. посольством С. Аблина доставлена «кружка серебряная с кровлею, на ней три обруча золочены, весом

с цепочкою с медной 6 фунтов» [2, с. 296]. Данная информация, безусловно, скудна, но это ни в коей мере не умаляет ее научной ценности.

Со временем потребность в привозе иноземных украшений росла. Недаром в состав посольства Спафария специально для «опознания камней и всяких тамошних драгих вещей» был включен ювелир Иван Юрьев. В «Наказе» говорится: «Если проведают у китайского богдыхана, что есть в казне камня узорчатые и иные какие товары, которые в Российском государстве наперед сего не бывали... предложить, чтобы государь их богдыхан указал того камня и иных товаров к царскому величеству послать с послом своим на обмен тому камню и иным товарам, что ему, хану, понадобится...» [3, с. 322]. Неудивительно, что в ценовой описи китайских товаров, привезенных в Москву Спафарием, находим упоминание о вещах различной стоимости, а также лазоревых, красных яхонтах большой и малой величины. Самой же большой ценностью обладала знаменитая шпинель, украшающая с 1762 года большую императорскую корону. Зная, что русские интересуются камнем, китайские купцы несколько раз предлагали его Спафарию. Первоначальная цена была слишком высокой, и лишь перед отъездом посол смог купить его уже по более низкой, но все же, как по китайским, так и по русским меркам, баснословной цене в 1600 лан.

В начале XVIII в. в Российскую империю также привозились жемчуг, слитки золота, всевозможные диковинки, интересовавшие знать, – чашечки, шпильки, футляры для иголок, сосуды, чайнички, подносы, ларцы, туалетные наборы. Некоторые из них упомянуты в документах различных посольств.

Как показывают архивные документы, стимулом в развитии российско-китайских отношений и исследований китайской традиции в XVIII в. не единожды становилась деятельность Академии наук. Наказы, данные путешественникам, отправлявшимся в дальние страны, содержат статьи, требующие наблюдения и фиксации интересных фактов, специфических черт быта и приобретение предметов, не имеющих аналогов в России.

В отличие от представителей «научного мира» у российских аристократов преобладал интерес не столько к культуре, социальной системе, литературе и искусству китайского народа, сколько к украшавшим интерьеры дорогим экзотическим изделиям, секрет изготовления которых был неизвестен Западу.

При Петре I Россия, постепенно европеизируя образ жизни, во многом следовала различным западным новшествам, среди которых необходимо назвать и ориентализм. Утонченному обществу не могло не понравиться необыкновенное китайское искусство. Как пишет О. Фишман, «знатоков очаровывали прозрачные краски китайской палитры; необычность и причудливость орнамента воспринимались как средство борьбы со строгостью классицизма» [4, с. 397]. Восхищение восточными образцами китайского творчества привело к появлению великолепных коллекций картин, фарфора, ковров, шелка, вееров, ставших свидетельством тонкого вкуса их обладателей и неуклонного расширения сферы интереса к вопросам истории культуры, нравов, обычаев иных народов.

В XVIII в. из Петербурга уже регулярно посылаются царские караваны в Пекин, откуда в обмен на меха, стеклянный бисер, ремень, сукно и другие товары везут в большом количестве китайские ткани и вышивки, чай, серебро, изделия из серебряной филигранны, резной кости и дерева, расписные эмали, лаки, керамику.

Как только И. Петлиным был открыт сухопутный путь в Китай, Московское государство превратилось в «транзит» для Европы одного из основных предметов экспорта – китайского шелка, а когда между Россией и Китаем стали налаживаться дипломатические отношения, посольства стали сопровождаться подарками, среди которых китайцы нередко посылали и эту великолепную ткань. Так, в 1649 г. император Шуньчжи (1644–1662) принес в дар русскому царю 700 отрезов узорчатых и вышитых шелков.

К редким произведениям китайского искусства, сохранившимся в России до нашего времени, можно отнести китайские обои. Расписанные по шелку безымянными художниками в стиле местных традиций, они использовались для создания нарядных дворцовых интерьеров. По специальному заказу Петра I для построенного им Екатерингофского дворца были доставлены отличающиеся большой декоративностью и яркостью красок шелковые обои с росписью, изображающей пейзажи. Единственное свидетельство об их привозе находим в документах посольства Л.В. Измайлова: «Назавтрее император приказал с 3 чиновниками отправить к нам на подворье дары, кои назначил он для его царского величества. Оные состояли в шелковых, весьма богатых обоях для 2 комнат...» [5, с. 536].

Использование подобного материала для отделки помещений было данью европейской моде, удовлетворявшей вычурные вкусы высших слоев общества. Шелковые обои первой четверти XVIII в. находятся на стенах Коронной и Диванной комнат Большого Петергофского дворца. Особое внимание исследователей привлекают ткани с вышитыми драконами, которые были редкостью в обиходе за пределами Китая, поскольку золотой дракон с 5 когтями в Поднебесной служил символом императора. Их ношение строго регламентировалось. Подобные образцы могли попасть в Европу и Россию только в качестве дара одного правителя другому. В «Записках» находившегося в составе посольства Л.В. Измайлова (1719–1722 гг.) врача Д. Белла находим подтверждение: среди подарков «20 или 30 шелковых материй, на большей части коих вытканы были драконы о пяти когтях» [5, с. 536]. Китайские ткани употреблялись в XVIII – XIX вв. и для церковных одеяний российских священнослужителей, при этом использовались либо расписные шелка, либо узорчатые дамаски с орнаментами из цветов и птиц.

Китайские мастера не считали резьбу искусством, а иностранцы, увидевшие виртуозно исполненные изделия, стремились приобрести их даже за очень большую цену. Особенный интерес и недоумение вызывали «шары в шаре» из резной слоновой кости. Они привозились в Европу как диковинки, дорогие игрушки и попадали в коллекции курьезов. Среди предметов из кабинета Петра I упоминаются четыре подобных шара.

Блистательная слава о китайском фарфоре уже давно достигла границ Европы, где эти уникальные изделия имели огромную ценность. «В нашем государстве первый документированный фарфоровый предмет – сулея Великого князя Ивана Ивановича, хранящаяся в Оружейной палате, – появился в конце XVI века» [6, с. 14]. В течение XVII века единичные предметы попадали в Россию благодаря посреднической торговле среднеазиатских купцов, а в последующее столетие приток китайского фарфора резко увеличился.

Коллекция Петра I, собранная из раритетов Европы, к тому времени была уже достаточно обширна, но китайских вещей в тот период в Петербурге еще не было, поэтому неудивительно, что увиденное Д. Беллом у одного из пекинских сановников сказочное собрание старинных китайских и японских фарфоровых вещей, многим из которых, по словам хозяина, было более двух тысяч лет, вызвало неподдельный благоговейный восторг и восхищение, а любезное предложение императора отправить в Россию несколько предметов из своего личного собрания редкостей встретило у представителей российской миссии изъявление безмерной благодарности.

Предметы из фарфора постепенно входят в России в бытовой обиход. Увеличение спроса заставляет китайских мастеров учитывать вкусы заказчиков, поэтому и возникали новые формы и сюжеты. Восточная обстановка, где главенствующая роль принадлежала фарфору, постепенно становится знаком социального престижа, свидетельствующим о высоком статусе владельца.

Лаковые изделия привлекли внимание европейских путешественников сразу, как только они познакомились с не известным для них материалом. Первые образцы привозили португальцы еще в XVI в. из Японии, и этим можно объяснить, почему в Европе лаковую технику было принято называть японской, в России – «апонской» (вещи высокого качества также считались японскими). Россия не осталась в стороне от моды и увлечения лаковыми изделиями. Упоминание о привозе караванами лаковых диковинок появляется не ранее 20-х годов XVIII в. Среди предметов, доставленных Л.В. Измайловым, «8 чашек с крышками и подставками красными лаковыми», лаковые коробочки, большие и маленькие шкатулки, блюда, тарелки, чашки; «14 ящиков лаковых с чернилами, 1 ящик круглой желтой, а в нем кошельки атласные и орех резной» [7, с. 276]. Китайские столы и шкафы украшали Лефортовский дворец в Москве уже в конце XVII в., кроме того, подобные изделия хранились и в Кунсткамере в качестве музейных диковинок.

В донесениях Сенату при Елизавете I в 1756–1761 гг. есть сведения о покупке на серебро, вырученное от продажи товаров, 13 шкафов, 4 столов, «кабинета, в нем 10 ящичков выдвижных» и других изделий, все по «черному лаку писаны золотом апонской работы» [6, с. 150]. Из группы вещей, привезенных караванами в указанный выше период, возможно, и происходят сохранившиеся до сего дня в Эрмитаже парные деревянные кабинеты, покрытые черным гладким лаком с росписью золотом, изображающей прибрежные пейзажи со строениями, деревья, лодки на воде. Внутри черный лак, расписанный золотыми цветами. В реестре покупок Ф. Елачича числится «пара лакированных кабинетов небольших размеров разными колерами малеванных» [6, с. 151]. Можно предположить, что речь идет об одних и тех же предметах.

В минское время развивается новая для Средней империи отрасль художественного ремесла – перегородчатая эмаль, проникшая сюда с Ближнего Востока. Изделия из бронзы или латуни (вазы, коробки, курильницы, блюда и другие декоративные предметы) покрывались узором, выполняемым путем напайки тонкой проволоки, промежутки между которой наполнялись разноцветными эмалями. Такие произведения, изготавливаемые в Китае главным образом для внутреннего рынка, со временем заинтересовали европейцев как

изделия в знакомой технике, но обладающие специфическими особенностями, характерными для другого культурного региона. Примером очень раннего появления китайской эмали в коллекциях Европы является круглая фляга из собрания Петра I в Кунсткамере.

С течением времени мода на китайскую архитектуру и китайские вещи все возрастает: во дворцах европейских государей, в домах знати и богачей появляются так называемые «китайские кабинеты», владельцы которых стремились к тому, чтобы все здесь напоминало утонченный восточный мир. Как отмечает известный русский исследователь китайской культуры В.П. Васильев: «Китай может обойтись без иностранного привоза, но большая часть света не может обойтись без китайских произведений. Вот почему, когда Китай не знал страха, и другие боялись помериться с ним силами, все державы искали благосклонности Пекинского двора, переносили не только унижения, но даже оскорбления».

Заказы купцам и путешественникам на покупку китайских изделий поступали не только от правителей и их ближайшего окружения, но и представителей менее высокопоставленных семей. Успех посольства в Китае подчас определялся не столько политическими победами, сколько выгодными торговыми договорами и обилием привезенных подарков. Этим можно объяснить искреннее разочарование российского посла С.Л. Владиславича-Рагузинского скромными дарами обитателей Запретного города. Китайские чиновники обещали «парчи, коей на продажу не бывают, токмо во дворце ханского величества делают на обиход». Подарки же российской императрице согласно реестра составляли лишь 90 отрезков парчи и шелка, а также два ящика посуды: «японского лаку» 13 шкатулок, 12 чашек, 4 блюда, чайник, кроме того, расписанные цветами, драконами белые и цветные фарфоровые чашки, блюда и вазы [8, с. 450].

В России веер становится модным предметом в XVIII в., одновременно с введением Петром I европейского платья. Самые ранние известные в нашей стране восточные образцы вееров находились в Кунсткамере в Петербурге. Не исключено, что некоторые из этих очаровательных вещей на рубеже XVII – XVIII вв. были привезены непосредственно из Китая, однако, большинство вееров попадало к русскому двору из Европы. «Хрупкий и изящный, украшенный росписью по шелку, резьбой по слоновой кости и перламутру, инкрустацией, росписью золотым лаком, отделанный серебром, золотом, эмалью, перьями экзотических птиц, веер быстро завоевывает прочное положение как красивое дополнение наряда и становится одним из излюбленных аксессуаров» [9, с. 4].

Наиболее ранние известные образцы, предназначавшиеся для членов императорской семьи, относятся к середине XVIII в. «В Эрмитаже хранится веер с китайским расписным двусторонним экраном на тонкой коже и резными ажурными пластинами слоновой кости европейской (возможно, английской) работы, который, вероятно, был выполнен для Екатерины Алексеевны, будущей императрицы Екатерины II, после принятия ею православия, но еще до ее вступления на престол, так как здесь вырезаны инициалы «ЕА» под великокняжеской короной. В 1790-х гг. в Китае через английскую Ост-индскую компанию принцессой Каролиной Уэльской была заказана целая группа предметов в подарок Елизавете Алексеевне, супруге великого князя Александра Павловича» [9, с. 20].

В XVIII в. цена на стилизованные европейские изделия была достаточно высока, так как местные производители часто достигали в своем искусстве больших высот.

Особенно любила веера Мария Федоровна, супруга Александра III. Многие из хранящихся в Эрмитаже как китайской, так и европейской работы вееров происходят из коллекции, находившейся до 1924 года в Аничковом дворце. «Интерес к Востоку будущей императрице был привит еще на родине: в датской Королевской кунсткамере хранится большая коллекция китайских предметов. Неудивительно, что молодая чета, живя в Петербурге, собрала в своем дворце одну из лучших в Петербурге китайских коллекций. Приобретения различались по интересам: цесаревич больше увлекался изделиями из перегородчатой эмали, бронзы, дерева, а его супруга не упускала возможности пополнить свое собрание фарфором, различными аксессуарами и безделушками» [9, с. 28]. Веера-опахала из шелка с вышивкой или с росписью в фиксированной рамке на ручке, привезенные из путешествия по Китаю Николаем Александровичем, сохранились в коллекции Царскосельского дворца.

Причудливые и восхитительные «сокровища» из далеких стран не были сокрыты от любопытных глаз публики. Со времен правления Петра I часть китайских товаров сдавали в дворцовое управление. Одни предназначались для дипломатических подарков, другие продавались на аукционах в Петербурге. К примеру, вещи, привезенные в 1723 г. посольством Л.В. Измайлова, были выставлены на обозрение в его же собственном доме в Москве, а в 1737 г. изделия, доставленные Л. Лангом, – во дворце, в Итальянской зале, где на аукционе шелковые ткани, серебро, фарфоровая посуда, чай, медные и другие вещи продавались дешевле обычного. Большинство из них заняло достойное место в частных коллекциях.

Необычные китайские вещи можно было увидеть в домах и во дворцах петровских сановников (Ф. Лефорта, А. Меньшикова, Ф. Головина, П. Шафирова), что зафиксировано в имущественных описях. Представляют исторический интерес старейшие коллекции Е.Г. Саксен-Альтенбургской, А.К. Рудановского, К.А. Горчакова, семьи Шуваловых, А.П. Келлера, А.С. Долгорукова, А.Л. Штиглица, С.А. Строганова, А.А. Бобринского, Ф.И. Паскевича. В отличие от раритетов, историю простых, но забавных вещиц проследить достаточно сложно. Часть из них попали в Россию через европейские аукционы и международные выставки. Наибольший объем сведений о ранних приобретениях мы могли бы получить, изучая архивные документы и экспонаты академических собраний.

В декабре 1747 г. пожар в здании библиотеки Академии наук и академического музея Кунсткамеры уничтожил этнографические коллекции, в том числе и «некоторые китайские вещи, платья, идолы и подобные курьезности сибирских народов». Необходимо было восполнить потерю этих уникальных предметов. В 1752 г. в Китай послали Ф. Елачича, который, выполняя обязанности врача, ранее уже побывал в этой стране и проникся к ней глубоким интересом.

Вещи и книги, купленные там, Ф. Елачич представил в Академию. Всего он привез 273 предмета: «сапоги китайские из черного атласа; летние китайские сапоги из тростника», «кафтаны мужские и женские; курму фиолетовую с шитыми золотом литерами», курительные трубки, огниво, ножики, четки, веера

и зеркала, письменные принадлежности и печати, игры, зонты, портреты, «компас деревянный, покрытый желтым лаком; компас в желтом медном футляре с зажигательным стеклом и зеркалом», новые образцы мебели, одежды и предметы личного обихода. Кроме того, были доставлены также лаковые изделия, предметы, вырезанные из дерева, вещи из меди, слоновой кости, фарфора, стекла, «мягкого разноцветного китайского камня». Для пополнения фондов библиотеки Ф. Елачич приобрел 42 книги. Среди них – словари, географические книги, исторические и приказные, священные и медицинские, астрономические, математические и «разных художеств» [10, с. 130].

В российском обиходе XIX века количество китайских вещей увеличивается. В это время уже не только знать, но и средний класс и городская интеллигенция могли приобретать фарфор, шелка и безделушки. В моду входят знаменитые вышитые кантонские шали, китайская мебель или подражание ей.

Ни один музей Европы не мог сравниться с Кунсткамерой по богатству коллекций, в том числе и китайских. В 1852 г. был открыт для широкой публики Эрмитаж, что позволило представителям интеллектуальной элиты соприкоснуться с элементами дальневосточной культуры, расширив представление о быте, декоративно-прикладном искусстве китайского общества, а менее образованной части населения и просто любопытным обывателям – впервые «открыть» для себя эту страну. В 1837 г. на базе этнографических коллекций Кунсткамеры был создан Этнографический музей. Три десятилетия спустя в Москве был основан Румянцевский музей, в котором хранились произведения китайских художников. Наряду с этими ведущими собраниями сформировались коллекции предметов китайского искусства «в загородных резиденциях царей и знати под Петербургом – в Петергофе, Павловске, Царском Селе, Ораниенбауме, Гатчине, в небольших музейных собраниях университетских центров России – Москве, Казани, Томске, Иркутске. На торговых путях с Китаем – в Кяхте, Минусинске, Благовещенске – накапливались предметы китайского искусства и впоследствии возникали местные, созданные купцами и меценатами, собрания» [11, с. 105].

Изучение архивных материалов и сопоставление их с описями музейных и частных коллекций позволяют определить источник происхождения тех или иных китайских произведений в России и выявить степень влияния данных предметов на формирование образа Китая в сознании людей.

В XVIII в. коллекции иноземных вещей в России формировались как собрание курьезов. Следует отметить, что к приобретению предметов невиданной ранее формы и неизвестного материала первоначально подталкивало любопытство самих путешественников, затем заказы знати, не желавшей отставать от европейской моды, а впоследствии – потребности представителей научного мира проводить более серьезные исследования культуры дальневосточного соседа.

На протяжении двух столетий представления о восточных государствах складывались в большей степени на основе услышанных рассказов, обильно приукрашенных необыкновенными, а порой и фантастическими подробностями, а также увиденных предметов домашней утвари и личного обихода, изделий декоративно-прикладного и ювелирного искусства или же их изображений, выполненных китайскими живописцами или европейскими путешественниками.

Поскольку, как мы видим из документальных материалов, в большем количестве привозили диковинки, то становится вполне естественным появление экзотического образа Китая, как «сказочной, изящной страны – игрушки, населенной маленькими, роскошно одетыми мудрецами, изысканными, спокойными и томно-ленивыми» [4, с. 399].

Summary

Y.G. Blagoder. Formation of Academic and Private Collections of Chinese Applied Art Objects in Russia (17–18th Centuries).

The article, basing on studied archive documents and museum funds, defines two ways of how the first collections of Chinese art objects formed in Russia. The earliest exhibits of private and academic collections are briefly characterized, among them objects of silk, carved ivory, bronze, brass gilt decorated in the “cloisonné enamel” technique, household items covered with lacquer, etc. The secret of their manufacture was unknown in western countries. Much attention is paid to jewelry art pieces, porcelain ware, collections of fans and other refined accessories and fashion decorations, which got to symbolize Chinese culture for the Russian public.

Key words: art orientalism, collections of Chinese art objects, lacquer pieces, porcelain, cloisonné enamel, silk cloths, fan, Kunstkamera, the Hermitage.

Литература

1. Выписка, составленная в приказе Большой казны, о товарах, привезенных из Цинской империи Ф.И. Байковым, И.С. Перфильевым и Сеиткулом Аблиным // Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. – М.: Наука, 1969. – С. 250–251.
2. Сказка в тобольской приказной избе тобольского служилого бухарца Сеиткула Аблина и казака И. Тарутина об их поездке в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. – М.: Наука, 1969. – С. 288–297.
3. Статейный список посольства Н.Г. Спафария в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. – М.: Наука, 1969. – С. 346–458.
4. *Филиман О.Л.* Китай в Европе: миф и реальность XIII – XVIII вв. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – 544 с.
5. Записки Д. Белла о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы (1700–1725 гг.). – М.: Наука, 1978. – С. 498–544.
6. Китайское экспортное искусство из собрания Эрмитажа (конец XVI – XIX вв.) / Под. ред. Т.Б. Араповой. – СПб.: АО «Славия», 2003. – 215 с.
7. Роспись подарков императора Сюань Е императору Петру I и приходно-расходная книга // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы (1700–1725 гг.). – М.: Наука, 1978. – С. 276–277.
8. Выписка из статейного списка С.Л. Владиславича-Рагузинского, сделанная в Коллегии иностранных дел, о его пребывании в Пекине, о возвращении на границу и о завершении посольской миссии // Российско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы (1725–1727 гг.). – М.: Наука, 1990. – С. 410–437.

9. Китайские экспортные веера / Сост. М.Л. Меньшикова. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004. – 30 с.
10. *Шафрановская Т.К.* Поездка лекаря Франца Елачича в 1753–1756 гг. в Пекин // Из истории науки и техники в странах Востока. – М.: Наука, 1960. – С. 126–131.
11. *Итс Р.Ф.* Первые китайские коллекции в России // Кунсткамера. Этнографические тетради. – СПб.: Вост. коллекция, 1974. – 480 с.

Поступила в редакцию
04.05.08

Благодер Юлия Гариевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и права Кубанского государственного технологического университета.

E-mail: *butto_olga@list.ru*